

цессе. Только в конце XVI—начале XVII веков внимание авторов исторических повестей, русских статей в Хронографе и публицистических произведений будет приковано к реальным личным характеристикам исторических лиц, якобы обуславливавшим собой движение исторического процесса. В летописях XI—XIII веков дело обстоит значительно проще: здесь почти нет столкновений характеров и связи развития исторических событий с характерами их участников, но есть столкновения интересов, притязаний, генеалогические споры. При этом по большей части каждый князь совершает свое жизненное дело как представитель определенной ветви княжеского рода. Этот взгляд также шел от жизни. Жители городов и княжеств приглашали, встречали или прогоняли князей как носителей определенных династических интересов и династической традиционной политики, определяемой местом данного князя в генеалогическом дереве княжеского рода. Так, например, новгородцы говорят Всеволоду Юрьевичу Суздальскому: „не хотим сына твоего, ни брата, ни племени [вашего, но хотим племени] Володимира“.¹ Киевляне говорят Изяславу Мстиславичу: „Княже! ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя руки възняти“.² Собираясь убить Игоря Ольговича, киевляне говорили: „Мы ведаем, оже не кончати добромь с тем племенем, ни вам, ни нам, коли любо“.³ Посылая за новыми князьями к Михаилу и Всеволоду Суздальским, суздальцы, ростовцы и переяславцы говорят им: „Ваю отець добр был, коли у нас был; а поедьте к нам княжить, а иных не хотим“.⁴ Сын, следовательно, принимался по отцу. Так было и в других случаях: внук приглашался по деду и прадеду, по принадлежности его к определенному роду, т. е., по понятиям того времени, к определенной политической линии.

В свою очередь и князь говорит своим горожанам: „Вы есте людие деда моего и отца моего, а бог вы помози“.⁵ Родовая политика, честь, традиции рода ясно осознавались и самими князьями. Андрей Владимирович Добрый, сын Владимира Мономаха, говорил по поводу своей готовности пострадать за свою отчину: „Обаче не дивно нашему роду, тако и прежде было же“.⁶ Эта родовая политика часто называется в летописи „путем“, „честью“ и „утверждением“ предков. Князья нередко предпринимают те или иные действия, чтобы „поискати отець своих и дед своих пути и своей чести“.⁷ Изяслав Мстиславич посылал своих послов в Чернигов к Владимиру и Изяславу Давыдовичам с многозначительными словами: „Се есмь путь замыслили, а то есть утверждение дед наших и отець наших“.⁸

Князья „ревнуют“ своим предкам, стремятся „поревновать“ своим отцам и дедам. Самое понятие „ревности“ предкам переносится из светской области и в церковную. „Ревновать“ отцу своему можно не только в воинской славе, но и в церковной. Вдова Глеба Всеславича „велику имеяше любов с князем своим, к святей богородици и к отцю Федосью, ревнующи отцю своему Ярополку“.⁹

¹ Ипатьевская летопись, под 1140 г., стр. 220; в квадратных скобках текст из списков X, П.

² Там же, под 1147 г., стр. 243; ср. стр. 246 и 250.

³ Там же, под 1147 г., стр. 246.

⁴ Лаврентьевская летопись, под 1175 г., стр. 404.

⁵ Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 285.

⁶ Лаврентьевская летопись, под 1139 г., стр. 307; ср. те же слова в Ипатьевской летописи, под 1140 г., стр. 219.

⁷ Ипатьевская летопись, под 1170 г., стр. 368.

⁸ Там же, под 1147 г., стр. 244.

⁹ Там же, под 1158 г., стр. 338.